

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Вульгарный анаархо-коммунизм: что скрывает левое единство

Spooky

8 марта 2021 г.

Spooky
Вульгарный анаархо-коммунизм: что скрывает левое
единство
8 марта 2021 г.

c4ss.org и teletype.in

ru.anarchistlibraries.net

Если вы работаете над каким-либо проектом — политическим или любым другим — вы будете сотрудничать с людьми, с которыми вы не согласны. Марксисты, демократические социалисты и левые либералы могут прикрывать вас на пикетах или протестах, а в некоторых случаях к вам могут присоединиться либертарианцы, консерваторы и даже республиканцы с единым мнением по таким вопросам, как самооборона и контроль над оружием. Чёрт возьми, даже внутри анархистского пространства у вас будут разногласия между различными носителями прилагательных (индивидуалист, коммунист, единственный символический левый либертарианец и т.д.), которые могут привести к случайным жарким дебатам. Несмотря ни на что, люди никогда не будут согласны во всём из-за различий в опыта, предпочтениях или привилегиях, и для

эффективной организации нам иногда приходится откладывать эти дискуссии на потом.

Пока это, вероятно, звучит как типичный нарратив о «левом единстве», и в нынешнем виде это довольно убедительная линия рассуждений. Многие основные вопросы социальной справедливости в основном поддерживаются либералами, но мы по-прежнему солидарны с Black Lives Matter, проектами освобождения коренных народов и многими другими кампаниями, несмотря на наши сильные политические разногласия по конкретным вопросам. Конечно, я абсолютно презираю многочисленные группы танкиз в моей школе, но когда *Proud Boys* и фанаты MAGA вторгнутся в наш кампус, я буду там, и чертовски хорошо знаю, по какую сторону забора я буду.

Это, на мой взгляд, и есть «тактический союз», спонтанное объединение, основанное на противостоянии определённой проблеме (т.е. буквальному приходу фашистов в город), которое прекращает своё существование, когда исчезает непосредственная угроза. Возвращаясь к предыдущему примеру, когда толпа разошлась, я немедленно продолжил обсираять псевдоботьшевистских хамов, с которыми стоял рядом, и они, вероятно, отправились домой, чтобы нести ленинскую чушь на ничего не подозревающих первокурсников. Участвуя в одной акции с отдельным человеком или группой, я не обязан подтверждать их убеждения или держать язык за зубами, пока мы не «победим нашего общего врага». В большинстве случаев единственное единство, необходимое для эффективного ответа на спонтанные угрозы и постоянные репрессии, — это общее противостояние этой конкретной угрозе.

Идеологическое единство, с другой стороны, представляет собой совершенно отдельное требование от тактического единства, сосредоточенное не на прямом действии или организационных стратегиях, а на построении дви-

риторики в обмен на одобрение мейнстрима — это проигрышная битва, но это не означает, что отчуждение — моя главная цель. Проявляя прозрачность в отношении противоречий между нашими желаемыми средствами, целями и аналитическими методами, мы создаем более безопасное пространство, более благоприятное для эффективного сотрудничества.

Мои недоброжелатели, предполагая, что они дочитали до этого места, почти наверняка заявят, что я просто сектантский «анархо-шовинист» или что-то в этом роде. В духе того, чтобы опередить их, я просто признаю прямо сейчас, что я сектант, и хотя я ценю внимание, это не мой основной мотив. Наиболее радикальным следствием моего предложения здесь является полный отказ от системы «средства — цели», определяющей идеологию, и принятие единственного стремления к средствам — тема, которую, я надеюсь, я смогу исследовать в отдельной статье. Если вы не желаете совершить этот философский скачок, подумайте вот о чём: если внутри группы есть конфликтующие, несовместимые секты, как правило, не стоит оставлять эти разногласия невысказанными. Притворяться, что полное единство существует в ситуации, когда есть фундаментальные разногласия, — это прямой путь к катастрофе.

жения. Сторонники идеологического единства в большинстве случаев настроены на создание широколевой коалиции между всеми «противниками капитализма»; в эту коалицию обычно входят демократические социалисты, коммунисты и анархисты. Иногда, однако, это распространяется на танкиз (ленинистов, левых акселерационистов, денгистов и тд), что приводит к самым невероятным проявлениям умственной гимнастики, которые могут предложить левые. Для большинства из нас должно быть очевидно, почему это проблема, поскольку группа, в которую входят антиавторитарные и криптосталинисты, не образует сильную коалицию. В попытке сделать такую диссонирующую связь устойчивой, менее упрямая сторона должна пойти на небольшие уступки, и в большинстве случаев это приводит к тому, что анархисты становятся менее антигосударственными, чтобы угодить государственным левым. Заметные результаты этого процесса включают анархистские оправдания тюрем, модели негосударственной полиции и вооруженных сил и, конечно же, знаменитые «оправданные иерархии» Хомского. Тем временем, танкиз сидят сложа руки и наблюдают, как самопровозглашенные либертарианские социалисты ходят по риторическим скорлупам, чтобы не потерять свою коалицию.

В своём опыте, каким бы ограниченным он ни был, я не видел убедительных аргументов в пользу того, что идеологическое единство необходимо в борьбе с существующей системой или в создании нового общества. Тактическое единство, с другой стороны, является неизбежным и необходимым компонентом текущей антифашистской и повстанческой деятельности, преодолевающей ограничения организованных политических структур в пользу децентрализованных, спонтанных ответов на угрозы, исходящие как от государственных, так и от негосударственных субъектов. Эти две вещи кажутся обманчиво похожими, но

я бы сказал, что это разные явления, которые имеют общие риторические обоснования, а не являются продолжением одних и тех же предпосылок.

Давайте ещё раз пройдемся по аргументации в пользу «левого единства», используя понятия тактического единства и идеологического единства соответственно. Как аболиционисты, мы заинтересованы в противостоянии существующей системе (копы, фашисты, отряды милиции и тд) и имеем серьёзные разногласия относительно целей (безгосударственность, роскошный коммунизм, демократический конфедерализм и тд), - те аспекты, которые делают организацию *очень* разочаровывающей. В большинстве случаев, однако, реагирование на непосредственные системные угрозы является более приоритетным, чем примирение философских разногласий, что приводит к сотрудничеству между различными группами людей против общей опасности; этот процесс не планируется, в нём нет формального членства или правил, и нет процесса проверки того, кто на данный момент станет антифашистом. Когда возникает опасность, идеология отступает на второй план перед действием, и это срабатывает снова и снова.

Если вообще не упоминать идеологию, очень легко превратить эту логику в защиту идеологического единства. Акцентирование внимания на отсутствии сознательных, горячих дебатов на местах — простой способ предположить, что это отсутствие причинно связано с успехом антифашистов. Это изменение фрейминга, так как оно контекстуализирует отсутствие активных разногласий как намеренное воздержание от дебатов, а не как результат контекста (т.е. противостояние фашистам и копам); хотя описывается одно и то же, подразумеваемая причина другая. Иногда это расширяется за счет сравнений с «Оккупай Уолл-Стрит», «арабской весной» и многими другими движениями, которые «закончились» из-за отсутствия идеологического

единства, оставив в наследство лишь государственные реформы и «классовое сознание». Постановка вопроса вокруг этой формы «левого единства» подразумевает, что для создания движения с длительным, устойчивым эффектом, возможно, служащего основой для нового, посткапиталистического общественного порядка, необходим несектантский подход и четко определенная структура.

Обратите внимание на расхождение в фокусе между двумя фреймворками; в первом примере я объясняю в значительной степени децентрализованную стратегию реагирования на спонтанные угрозы, а во втором я описываю инструменты для создания организованного, явно политического движения. Это два разных предмета, один из которых мне очень дорог, а другой совершенно неинтересен. Коалиции, движения и организованные массы, на мой взгляд, предназначены для политиков, планировщиков и комиссаров, то есть для тех, кого я, мягко говоря, не считаю особо достойными. Государства и корпорации наиболее восприимчивы к угрозам, которые меньше всего похожи на них; копов легко одуречь децентрализованными антифашистскими сетями, крупный бизнес постоянно страдает от пиратства и рабочих кооперативов, правительства ужасно справляются с разросшимися сетями хактивистов — возможно, просто возможно, вы не можете бороться с государством с помощью другого государства.

Я мог бы привести ещё бесчисленное множество примеров того, как децентрализация и гибкость побеждают движение и идеологическую сплочённость, но я думаю, что сейчас уместно поговорить о решениях, о том, что мы можем сделать, что действительно работает. Предполагаю ли я, что мы рискуем потерять некоторых «товарищей», будучи более честными в отношении наших самых радикальных взглядов? Как я утверждал в первой части этой серии статей, я думаю, что сдерживание нашей собственной